

**ДЕТЕКТИВНАЯ
МЕЛОДРАМА**

ЧИТАЙТЕ ЗАХВАТЫВАЮЩИЕ ДЕТЕКТИВНЫЕ МЕЛОДРАМЫ

ГАЛИНЫ РОМАНОВОЙ

Расплата за наивность
Встретимся в другой жизни
Я – его алиби
Девушка с секретом
Блудница поневоле
Неплохо для покойника!
Стервами не рождаются!
Дожить до утра
Крестный папа
Ничто не вечно под луной
Миллион причин умереть
Рыжая-бесстыжая
Охотники до чужих денег
Мужей много не бывает
Ты у него одна
Любитель сладких девочек
Игры в личную жизнь
Черт из тихого омута
Обмани меня красиво
Старая тайна, новый негодяй
Миллионерша поневоле
Внимание: неверный муж!
В любви брода нет
Последняя ночь с принцем
Осколки ледяной души
Счастье по собственному желанию
Любвеобильный джек-пот
Длинная тень греха
Личное дело соблазнительницы
Большие проблемы маленькой
блондинки
Красотка печального образа
Ночь с роскошной изменницей

Окно в Париж для двоих
Лицензия на happy end
Черная корона
Рыцарь чужой мечты
Демон искушения
Грешница в шампанском
Принцип Отелло
Исполнительница темных желаний
Жизнь нежна
Мода на чужих мужей
Пока смерть не разлучит нас
Завтра не наступит никогда
Пять минут между жизнью
и смертью
Любовь окрыляет
Единственная моя
С первого взгляда
Второй подарок судьбы
Зеленые глаза викинга
Тайна, приносящая смерть
Цвет мести – алый
Не доставайся никому!
Чужая жена – потемки!
Возвращаться – плохая примета
Врачебная тайна
Призрак другой женщины
Тайну хранит звезда
Семь лепестков зла
Свидание на небесах
Ведьма отмщения
Программа защиты любовниц
Кинжал в постели
Гнев влюбленной женщины

ГАЛИНА
РОМАНОВА

*Кинжал
в постели*

ЭКСМО
Москва
2014

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Р 69

Оформление серии *А. Дурасова*

Романова, Галина Владимировна.

Р 69 Кинжал в постели : роман / Галина Романова. — Москва : Эксмо, 2014. — 320 с. — (Детектив-мелодрама. Книжки Г. Романовой).

ISBN 978-5-699-72892-3

Еще сегодня утром Сергей Боголюбов не знал, куда себя девать, выйдя за ворота тюрьмы. Не понимал, кто и почему похлопотал за него, чтобы он оказался на свободе на два года раньше. Он собственноручно расправился с убийцей своего сына, за что и получил девять лет. А теперь Алика Верещагина, вытащившая его из-за решетки, просит найти и наказать того, кто свел счеты и с ее мужем. Обстоятельства его гибели точно такие же, как в случае с сыном Сергея: исчезновение, требование выкупа, потом искореженный, сгоревший автомобиль, обезображенное тело. Муж Алики погиб сравнительно недавно, а ведь Сергей уже покарал преступника, получается, он убил невиновного?.. Алика зародила в его душе сомнения, но повторять свои ошибки Сергей не намерен, у него появился шанс начать новую жизнь с любимой женщиной...

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Романова Г.В., 2014
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

ISBN 978-5-699-72892-3

ЧАВА 1

Он ненавидел мир, в котором очутился, ступив за железные ворота. В нем не было ему места.

Ненавидел солнце, брызнувшее в глаза ярким светом. Он от него отвык.

Ненавидел нежную голубизну небосвода. Он привык его видеть сквозь прутья решетки.

Ненавидел траву, жухлые стебли которой тут же принялись скрестись о его грубые ботинки. Несколько последних лет он ходил по пыли и асфальту.

Ненавидел дорогу, серой шершавой лентой перерезавшую запущенный луг.

Он не знал, куда идти по этой дороге! Не знал: налево или направо?

Как все было просто минувшие семь лет. Вся его жизнь, каждый его день делились на два отрезка: от подъема до отбоя и от отбоя до подъема. После подъема мир его был наполнен серыми угрюмыми лицами. Опасность! Сигнальной надписью он пометил каждого, кто приближался к нему ближе чем на метр. Был зол, нелюдим, немногословен. Заработал кличку Удав за пристальный немигающий

Галина РОМАНОВА

взгляд и силу рук, сдавивших однажды горло одному зэку так, что того еле высвободили. Заработал ко всему прочему хронический бронхит и чуть не срезал себе болгаркой два пальца на левой руке. Едва спасли конечность в лазарете.

Так он жил после подъема.

После отбоя к нему приходили его близкие. Тихими безмолвными тенями они окружали его, призывали к терпению, шептали всякие ласковые слова, которые он так боялся забыть. Каждую ночь он ждал с ними свидания. Каждое утро с болью просыпался.

И к этому привык, как к грубой тюремной робе и баланде, которую приучился жрать с аппетитом.

Он ко всему привык. И, наверное, смог бы дожить здесь остаток своих дней. Но его вдруг досрочно освободили.

— Зачем?! — вытаращился он на командира отряда. — Я разве писал прошение?!

— Кто-то есть у тебя на воле, кто за тебя очень переживает, ну и похлопотал.

— Чего же ждал так долго? — скривился он тогда. — Семь лет прошло! Осталось сидеть пару лет каких-то.

— Сам спросишь! — рявкнул командир отряда и провел ребром ладони по кадыку. — Мне все ваши дела вот где! Я вашим дерьмом настолько сыт, что...

Потом он с наслаждением выругался и отправил его вон.

А он следующие три недели — срок до освобождения — ломал голову, кому это он понадобился на

• *Кинжал в постели* •

воле. У него же никого не осталось там. Никого! Он один! И вдруг кто-то хлопочет!

Хлопотун его не встретил. Он долго вертел головой направо и налево, думал, увидит приближающуюся машину. Никого! И пошел налево. Там в километре от зоны была автобусная остановка на развилке трех дорог.

В его спортивной сумке, прекрасно сохранившейся за эти семь лет, у него была смена белья, три пары носков и пять тысяч наличности. Была еще справка об освобождении и связка ключей от его квартиры, гаража и машины. Но он мало верил, что квартира сохранилась. Наверняка какие-нибудь ушлые риелторы прибрали ее к рукам. Не жалко квартиры, это всего лишь стены, пустые и бездушные, там бродит печаль. Жалко вещей Маши и Семена. Их скорее всего не оставили, выбросили. Он бы так не сделал. Он бы все отдал в монастырь, к примеру. Или в детский дом какой-нибудь. У Семена было много детских игрушек, их сменили игровые приставки, потом навороченная акустика, оргтехника, это когда он повзрослел. И все это было цело. Маша ничего не выбрасывала.

«Мало ли, — отмахивалась она от него, когда он нацеливался на мешок с плюшевыми медведями, собаками и зайцами. — Внуки будут! Им пригодится!»

Внуков не будет. У него никогда не будет внуков. Потому что теперь у него нет сына и нет жены. И он бы раздал все их вещи нуждающимся. Красиво упаковал и раздал.

Но ведь наверняка все давно на свалке...

Галина РОМАНОВА

— Сережа!!! — ахнул Матвей Ильич, столкнувшись с ним у подъезда. — Вернулся, сынок!!! Хорошо, молодец!

Он растерялся. Встал у подъездной двери на вытяжку, как перед конвойным. Глянул на соседа исподлобья.

Почему ветеран войны, уважаемый человек, на груди которого бывало тесно наградам, когда он их надевал к празднику, вдруг называет его сынком?! Почему искренне радуется его возвращению?! Он разве забыл, что его сосед — Боголюбов Серега — отсидел за убийство семь лет?! Почему он протягивает руку урке?!

— Рад, искренне рад, что ты вернулся, — проговорил Матвей Ильич, потряхивая его руку. — Сколько же ты?.. Гм-мм...

— Семь лет, Матвей Ильич, — глухим, привычным для зоны голосом ответил Сережа. Задрал голову к своим окнам на пятом этаже. — Кто там сейчас, Матвей Ильич?

Сосед проследил за его взглядом, изумленно моргнул раз-другой, прищурился подслеповато.

— Как кто? Никого!

— Что, квартира моя цела?

Не знал, верить ему или погодить пока. Может, теперешние жильцы на работе, может, в отъезде.

— Квартира твоя цела, Сережа. Еще как цела. Мы тут всем миром ее стерегли, — похвастался Матвей Ильич. — Моя бабка цветы поливала Машины. Ухаживала за ними. И квартиру прибирала. Не часто, конечно. Здоровье уже не то, но сохранили все точь-в-точь, как при Маше и Се-

• *Кинжал в постели* •

мене было. Может, что не так? Ты уж извини, ежели мы...

— Все в порядке, Ильич, — отозвался Сережа, выпустил стариковскую руку и шагнул в подъезд.

Господи, как все здесь узнаваемо! Как все привычно! Ящики для почты в два ряда. Лифт с горячей кнопкой, значит, торчит где-нибудь наверху. Выщербленная плитка на первом этаже. Прохладно, что приятно при августовской жаре. Пахнет хорошо.

Он не стал дожидаться лифта, он никогда его не ждал. Пошел наверх пешком. Долго стоял у своей двери, красивой, тяжелой, металлической. Поставил почти сразу, как они въехали. Считал, что такая дверь способна защитить его родных от беды. А беда — она сквозь любые двери и стены пройдет. Она в любую щель просочится. Ключи звенели, когда он подносил их к замочной скважине. Потому что руки тряслись.

Он распахнул дверь, и дыхание перехватило.

Сейчас, вот сейчас из их комнаты выйдет Маша. Устало улыбнется, выразительно посмотрит на часы, едва заметно качнет головой. Опять он поздно! Ну, сколько можно! Он обхватит ладонью затылок жены, прижмет ее щеку к своей, вдохнет родной запах, шепнет: «Привет, любимая...»

Следом из своей комнаты выйдет Семен. Повзрослевший, красивый, высокий, гибкий. Протянет ему руку, заулыбается, спросит: «Па, ужинать будем...»

Раньше, еще тогда, восемь лет назад, все это было привычным, обыденным, не казалось значи-

Галина РОМАНОВА

мым. Ну, семья, ну встретила его, она каждый вечер его встречала на пороге. Что такого-то? Не заходиться же по этому поводу восторженным клекотом.

Потом только понял: он без этого не может. Это как дышать! Их нет, и дышать невозможно.

Сергей зашел в дом, запер за собой дверь, швырнул сумку на пол, снял ботинки и осторожно комнату за комнатой пошел обходить квартиру.

Мебель на месте, шторы все те же. Видимо, их стирали, и не раз. Пыли не было. Ковры вычищены. Посуда в шкафах сияет. Все вроде бы так же, но все не так. Не было вещей Маши и Семена, их полки в шкафах оказались пустыми. Не было их фотографий, не было полотенец, не было зубных щеток и тюбиков с кремом и бритвенного станка. Все это исчезло, растворилось за семь долгих лет. Все это соседи сочли своим долгом убрать отсюда.

Соседи или кто-то еще. Кто-то, кто похлопотал за него, вызволив с зоны на два года раньше. И этот кто-то не пожелал его встретить.

Он заглянул в холодильник, он был пуст, но работал. На полках нет съестного, а он бы сейчас чего-нибудь съел. Решил выкупаться, переодеться, а потом уже в магазин сходить.

Собственная ванная показалась крохотной и тесной. Он то и дело задевал локтями за стены. Зеркало тут же запотело, но он не стал его протирать. Смотреть на себя не хотелось. Он знал, что увидит: пустые злые глаза, серое лицо, седой ежик волос, крепко стиснутые губы. Порывшись на полках, нашел темные джинсы, тонкую сорочку в клетку с короткими рукавами, в обувных короб-

• *Кинжал в постели* •

ках нашлись кроссовки, которые он — помнит — надел лишь пару раз перед сроком. Взял ключи от гаража и машины, чтобы просто проверить, ехать никуда не собирался. Магазин за углом, куда катиться? Да и не к кому. Родни здесь не было. Всех двоюродных давно растерял. Друзья...

Друзья не писали. Стыдно было дружить с человеком, который убил, пусть даже в состоянии аффекта. Он не обижался. Он их понимал.

Улица опалила зноем, время перевалило за три часа дня. Он решил сначала сходить в магазин, а потом уже навестить «малютку», так он всегда называл свою тачку. Но его неожиданно окликнули. Почти сразу, как он двинул от подъезда.

— Боголюбов! — позвал его требовательно женский голос. — Сергей!

Он повернулся, осмотрел улицу. Никого знакомых. Люди шли неспешно, кто вел детей за ручку, кто нес пакеты с продуктами, кто прогуливался под руку с любимым. Но никого не было среди них, кто мог бы знать его и кого мог бы знать он. Он нервно дернул левым плечом и снова пошел в сторону магазина. И опять:

— Боголюбов! Сергей!

Да твою мать, а!!!

Он резко остановился и решил ждать. И увидел!

Женщина. Молодая. Красивая, симпатичная, уродина или нет, не видно было с того места, где он стоял. Женщина одной рукой держалась за дверную ручку своего внедорожника, второй призывно ему помахивала. Он ткнул себя пальцем в грудь, уточняя, его зовут или нет. Она суматошно замо-

Галина РОМАНОВА

тала головой. И Боголюбов решил подойти. Хотя бы просто потому, что интересно было ее рассмотреть: красивая она или уродина?

Ей на вид было лет тридцать, тридцать пять, потом выяснилось, что двадцать девять. Белокожая, белобрысая, с зализанными в высокий хвост волосами. Голубые глаза без тени макияжа смотрели устало и настороженно. По щекам рассыпались смешные веснушки, носик — остренький, аккуратный, веснушек не носил. Губы полные, четко очерченные, но очень тусклые, очень. И вся она была очень тусклой, словно жизнь уходила из нее по капле. Она напомнила Боголюбову чахлое растение, лишенное света. Фигуру он вообще оставил без внимания. Заметил только мимоходом, что надето на женщине что-то мешковатое, объемное, серое.

Тот еще экземпляр, сказал бы его бывший друг Мишка Стрельников. Как он теперь, интересно? Когда Боголюбова посадили, он только-только бизнес свой затевал. Хороший, к слову, бизнес. Идея была общая, деньги в основном Мишкины. Боголюбов вложил одну треть. Исполнение тоже подразумевалось общим, но так уж вышло. Да и ладно, как вышло, так и вышло.

— Вы меня? — спросил Боголюбов, останавливаясь от женщины и ее машины метрах в двух.

— Да, — кивнула она, сделавшись тут же строгой и сосредоточенной. — Вы ведь Боголюбов? Сергей Иванович Боголюбов? Сорока двух лет от роду, недавно...

— Да, — перебил он ее нелюбезно, прекрасно поняв, что она скажет дальше. — Что хотели?

• *Кинжал в постели* •

— Есть разговор. — И она потребовала: — Садитесь в машину.

— А если не сяду? — криво ухмыльнулся он, но все же тихо двинулся к пассажирской двери. — То чё?

— Тогда я приду к вам домой. А вам бы этого не хотелось. — Она села за руль, дождалась, пока он усядется, и проговорила: — Сейчас прокатимся недалеко.

Честно? Ему было все равно! Вообще все равно!

Едет он или идет. Везет ли его некрасивая, тусклая женщина, или рядом сидит головорез бритоголовый. Везут его на разборки или в гости к старенькой тетке, о существовании которой он не знал до сих пор. Такая мысль тоже мелькнула, не вызвав, впрочем, никаких чувств.

В общем, ему было все равно, времени у него вагон.

Они выехали за город. Через тридцать километров съехали с шоссе, попетляли по поселку. И остановились наконец у старого бревенчатого дома с недавно перекрытой крышей. Забор тоже был новеньким, и плодовые деревья нестарые. Одна из яблонь обильно плодоносила. Антоновка, с чего-то решил Боголюбов, проходя мимо дерева. В сортах он совершенно не разбирался. Просто вдруг вспомнилось название, и все.

— Входите, — приказала женщина, отпирая входную дверь. — Разувайтесь. Тапочки слева.

— Не стану я разуваться, — вяло опротестовал Сергей. — И тапки мне ваши ни к чему. Если боитесь, что наслежу, говорите здесь.

Галина РОМАНОВА

Первый раз за минувшие полтора часа после их неожиданной встречи она растерялась. Глянула на него заполошным взглядом, судорожно сглотнула, сжала, разжала кулачки. Потом кивнула:

— Хорошо... Не разувайтесь. Входите.

Он вошел в темную прихожую. Слева во всю стену зеркало. Справа во всю стену громадный шкаф-купе. И все. Ах да, еще тапки, приготовленные для него и для нее.

— Туда. — Она мотнула остреньким подбородком вправо. — Там гостиная.

В гостиной стоял большой полукруглый диван под окнами. Огромный, размером с бильярдный стол темного дерева в окружении семи стульев. У дальней от входа стены стояла горка с посудой. Лохматый оранжевый абажур над столом. Под ногами пушистый ковер. Дорогой, решил тут же Боголюбов и застыдился того, что не разулся. Старательно обошел ковер по кромке, сел на диван между окнами, устался на хозяйку.

— Чай, кофе? — Она смотрела на него в упор, было заметно, что заботы о ее ковре ее тронули.

— Вообще-то... Я бы съел чего-нибудь, — признался Боголюбов. — Вы поймали меня как раз на пути к магазину.

— Хорошо. Сейчас станем обедать.

И ушла куда-то. Через минуту загремела посудой. Боголюбов еще раз прошелся взглядом по стенам. Стены как стены. Аккуратно выкрашены лимонной краской. Под ногами паркет, старинный, сейчас такого не делают. Ковер цвета лимонного

• *Кинжал в постели* •

с синим. Шторы на окнах, что и абажур, оранжевые, красиво подхваченные. Посуда в горке самая обычная. Стекло, недорогой фарфор, какие-то фарфоровые статуэтки. И что странно, ни одного портрета, фотографии, картины. Ничего! Безлико как-то, пусто. Как в гостинице.

У него вон тоже теперь стены безликие. Без характерных признаков присутствия чьего-то счастья. Соседи убрали вещи, фотографии. Еще предстояло спросить, куда они все это подевали. А может, эта дамочка распорядилась, а? Она как-то уж слишком уверенно ждала его у подъезда, словно знала точный час его возвращения.

Так, стоп! А не она ли тот самый благодетель, что выхлопотала для него условно-досрочное освобождение? УДО.

Он встал и пошел на звон посуды, решив уточнить. Не то чтобы разволновался. Просто разожгло любопытство.

Дама хлопотала в большущей кухне с дубовой мебелью. В центре такой же большущий стол темного дерева, семь стульев по кругу. Точно такой же оранжевый абажур над столом, такие же шторы, но стены не лимонные, темнее. Ковра не было. И овального дивана тоже. Вместо него между окнами стояло два изящных креслица и кофейный столик. На нем ничего не было. Зато на обеденном появилось все на две персоны. Боголюбов запаниковал. Он последние семь лет манерничать разучился. Жрал все больше из железной посуды. Или из пластиковых стаканчиков, если получалось запарить «бомжа».